

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших
времен. Том 15**

Сергей Михайлович Соловьев
История России с
древнейших времен. Том 15
Серия «История России с
древнейших времен», книга 15

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172047

*История России с древнейших времен. Книга VIII. 1703 – начало 20-х годов XVIII века: АСТ, Фолио; М.; 2001
ISBN 5-17-002536-X, 966-03-0891-4*

Аннотация

Пятнадцатый и шестнадцатый тома сочинений С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» посвящены царствованию Петра I.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен. Том 15. Царствование Петра I Алексеевича. 1703–1709 гг

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА I АЛЕКСЕЕВИЧА

Строение судов для Балтийского моря. – Борьба с шведами за Петербург. – Отобрание у шведов старых русских городов. – Опустошение Эстонии. – Взятие Дерпта и Нарвы. – Шведы отражены от Петербурга. – Сношения с Польшею. – Паткуль в русской службе; его деятельность. – Русские вспомогательные войска под начальством Паткуля. – Отношения Паткуля к малороссийским козакам. – Окончание деятельности Палея. – Сношения с венским двором. – Паткуль в Вене. – Деятельность Матвеева в Голландии. –

Постников в Париже. – Французский посланник Балюз в России. – Матвеев в Париже. – Сношения с Турцией. – Деятельность Петра Толстого в Константинополе.

В невских устьях спешили строить городок – морское пристанище для иностранных судов, но строитель не хотел, чтоб этот новый городок, его тезка, похож был на старый Архангельск, где виднелись только иностранные корабли: на берегах Свири кипела сильная работа, в нетронутых до сих пор лесах *ронили* громадные деревья и на новой верфи, в Лодейном Поле, строили морские военные суда. Но враги не отдадут без боя Балтийского моря. На невских устьях строят русский городок, а подле них все лето 1703 года стоят 9 шведских кораблей, и нечем отразить их: русские корабли еще только строятся на Свири. Другое дело на сухом пути: здесь можно померяться с шведом, который покинут своим королем и может выставлять для борьбы только небольшие отряды. К реке Сестре подошел шведский генерал Кронгиорт; сам Петр в начале июля пошел на него с четырьмя конными полками: «Бой начат и счастливо совершен, неприятель прогнан, и зело много его порубили, понеже солдаты брать живьем его не хотели». С берегов Сестры Петр отправился в Лодейное Поле спускать суда. А между тем наступила осень. Меншиков с русскими людьми впервые познакомился тут с петербургским октябрём: солнца давно уже нет, страшный ветер и дождь целый день. Тяжко стало Меншикову; он зо-

вет Петра, пишет ему с обычными шутками: «Но ведаем, для чего так замешкались; разве за тем медление чинится, что ренского у вас, ведаем, есть бочек с десять и больше, и потому мним, что, бочки испраздня, хотели сюда приехать, или которые из них рассохлись, замачиваете и размачиваете. О сем сожалеем, что нас при том не случилось». Но после шуток Меншиков сообщает важное известие: шведские корабли, за осенним временем, отошли от невского устья.

Петр в Петербурге. На Неве уже плавает лед, но царь в море, около Котлина-острова меряет морскую глубину: здесь будут укрепления, оборона Петербургу. В ноябре явился в устье Невы первый иностранный купеческий корабль с солью и вином; губернатор Меншиков угостил шкипера и подарил ему 500 золотых, каждому матросу дано по 30 талеров.

В то время когда Петр пробрался к невшскому устью и начал строить здесь новый городок, войска его забирали старые русские города, которые швед завел за себя. В конце мая Шереметев начал обстреливать Копорье, и крепость сдалась. «Музыка твоя, – писал Шереметев царю, – хорошо играет: шведы горазды танцевать и фортеции отдавать, а если бы не бомбы, бог знает, что бы делать!» Сдались и Ямы, или Ямбург, и царь велел укрепить его. «Итак, при помощи бо-жией, Ингрия в руках. Дай боже доброе окончание!» – писал Петр Шереметев, доканчивая в июле укрепления Ямбурга, писал уже о зимованье в Ингрии, но Петр отвечал ему: «Когда город совершится, лучше, чтоб вам некакой подход

отправить, и, о том разведав, изволь писать, сыскав, например, способа два, три, а мы также на те способы дадим совет, который будет удобнее». Чтоб помочь Шереметеву сыскать способы, Петр отправил к нему в Ямбург Меншикова. Способ был сыскан, и в конце августа Шереметев переправился за Нарову, пошел гостить в Эстонии таким же образом, как гостил прошлый год в Лифляндах. Гости были прежние: козаки, татары, калмыки, башкирцы, и гостили по-прежнему. Шлиппенбах бежал без оглядки. 5 сентября Шереметев вошел беспрепятственно в Везенберг, знаменитый в древней русской истории Раковор, и кучи пепла остались на месте красивого города. Та же участь постигла Вейсенштейн, Феллин, Обер-Пален, Руин; довершено было и опустошение Ливонии. В конце сентября Борис Петрович возвратился домой из гостей: скота и лошадей, по его объявлению, было взято вдвое против прошлого года, но чухон меньше, потому что вести было трудно.

У Финского залива в новорожденной столице строили укрепления, поджидая шведа; в старой Москве строили триумфальные ворота, в которые должен был въехать царь после покорения Ингрии. Петр не зажился в Москве: взоры его были постоянно обращены и на запад, и на восток; пробыв лето близ берегов Балтийского моря, зимою он поехал в Воронеж, но, занимаясь здесь Азовским флотом, который должен был сдерживать турок, царь не забывал неевского устья, и Меншиков, остававшийся зимовать в Петербурге как губер-

натор, получил от него собственноручную модель крепости, которую должно было соорудить на море для безопасности нового городка.

Наступила весна 1704 года. Петр был в Петербурге; надобно было защищать этот дорогой городок, но Петр не хотел ограничиться одною оборонительною войною. Куда же наступать? В Ливонии и Эстонии опустошать было нечего более, но были там две сильные крепости, утверждение в которых было делом первой важности для России на случай, когда Карл XII обратит против нее свои главные силы: то были Дерпт и Нарва. Надобно было спешить их покорением, пока «швед увяз в Польше», по выражению Петра. 30 апреля Шереметев получил приказание от царя двинуться для осады Дерпта. 5 мая Шереметев дал знать, что генерал фон Верден взял на реке Эмбахе 13 шведских судов, плывших в Чудское озеро. Петр «с превеликою радостью принял известие о пресчастливой победе в нечаянном случае» и подтвердил Шереметеву приказание «идти и осадить конечно Дерпт, чтоб сего богом данного случая не пропустить, который после найти будет нельзя». У Шереметева сборы шли медленно; Петр торопил: «Немедленно извольте осаждать Дерпт, и зачем мешкаете, не знаю. Еще повторяя, пишу, не извольте медлить». Шереметев оправдывался в своей медленности тем, что стал здоров не по-старому, что один, ни от кого помощи не имеет: «Легко мне было жить при тебе да при Данилыче (Меншикове): ничего я за милостию вашею не знал»

В начале июня Шереметев подошел к Дерпту и начал осадные работы. Осада затянулась. Для ускорения дела 2 июля явился под Дерпт сам царь и на третий день писал Меншикову: «Здесь обрели мы людей в добром порядке, но кроме дела, ибо две апроши с батареями принуждены бросить за их неудобством, третью переделать, и, просто сказать, кроме заречной батареи и Балковых шанец (которые недавно пред приездом нашим зачаты), все негодно, и туне людей мучили. Когда я спрашивал их: для чего так? то друг на друга (т. е. вину складывали), а больше на первого (т. е. Шереметева), который столько же знает. Инженер человек добрый, но зело смиренный, для того ему здесь мало места. Здешние господа зело себя берегут, уже кажется и над меру, но я принужден сию их Сатурнову дальность в Меркуриусов круг подвинуть. Зело жаль, что уже 2000 бомбов выметано беспутно. Брешь, чаю, зачнем кончае по четырех днях, зело в изрядном месте, где мур только указу дожидается, куда упасть, а с прочих мест зело укреплен. Боже! помози немедленно окончить. Однако ж, как сам можешь знать, надлежит от 10 до 7 дней оному продолжену быть. Здесь ничто мне (не) в пользу, токмо что люди, которые, слава господу богу, зело бодры и учреждены, и число их вящше 20000».

После упорной битвы, происходившей у палисада всю ночь на 13 июля, когда русские уже готовы были ворваться в город, комендант затрубил к сдаче. «Итак, с божиею помощию, сим нечаемым случаем, сей славный отечественный

град паки получен», – писал Петр к своим.

В то время как Шереметев осаждал Дерпт, другое русское войско стояло у Нарвы под начальством фельдмаршала Огильви, приговоренного в русскую службу Паткулем в Вене на три года. По взятии Дерпта царь отправился под Нарву. 9 августа был назначен штурм. Несмотря на упорное сопротивление шведского гарнизона, русские ворвались в город и произвели в нем страшную резню без пощады женщинам и детям. Через два часа после штурма въехал в Нарву сам Петр с Огильви и велел прекратить грабеж, причем, говорят, заколол шпагою одного солдата, не хотевшего слушаться приказа, и потом, показывая свою окровавленную шпагу нарвским жителям, говорил: «Не бойтесь! Это не шведская, а русская кровь». По обычаю, пошли письма от царя к своим о взятии Нарвы: «Где перед четырьмя леты господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил, ибо сию преславную крепость чрез лестницы шпагою в три четверти часа получили». 16 августа сдался Иван-город.

В то самое время, как Петр шпагою брал старые отечественные грады, новый его городок Петербург должен был отбиваться от шведов. 12 июня 1704 года на Выборгской стороне явилось шведское войско под начальством генерала Майделя и начало стрелять в Петропавловскую крепость; комендант ее Роман Брюс отстреливался удачно, и Майдель считал за лучшее отступить. С другой стороны, так же неудачно окончилось покушение шведского флота овладеть Крон-

ШЛОТОМ.

Счастливым 1704 год был дожит царем в Москве. В старой столице праздновали взятие старых отечественных городов. В семь триумфальных ворот входили победители с знатнейшими пленниками и пушками, отбитыми у неприятеля. В феврале 1705 года Петр уехал в Воронеж к кораблям, а между тем уже делалось приготовление к новому походу на западе. Куда же будет этот поход? До сих пор Петр пользовался временем, пока «швед увяз в Польше», овладел Ингриею, основал корабельное пристанище в устьях Невы, взял Дерпт и Нарву, опустошил вконец Ливонию и Эстонию. Цель войны была достигнута, больше ничего не хотелось получить от шведа. Захочет швед мириться, больше ничего от него не потребуется, в крайности можно будет отдать ему и Дерпт и Нарву, удержав только драгоценный Петербург; не захочет швед уступить ничего, захочет все отвоевать, трудна будет ему война в опустошенной стране, пусть стоит под крепостями; в четыре года Петр достиг того, что люди его были бодры и учреждены, с такими людьми была надежда отбиться от шведа. Но всего важнее было, чтоб швед как можно долее увяз в Польше; для этого нужно было помочь полякам.

В начале XVIII века, как и прежде, главное внимание русского правительства в сношениях его с Польшею было обращено на положение русского православного народонаселения в польских владениях. 8 марта 1700 года русский резидент в Польше стольник Судейкин получил царскую гра-

моту: «В девятой статье мирного договора сказано, что людям благочестивой греко-русской веры в Короне Польской и Вел. княж. Литовском никакого утеснения к вере римской и к унии принуждения быть не должно: а ныне к нам, великому государю, донесено, что православных людей в Литве бискупы и езувиты и доминиканы и прежние униаты и шляхта разоряют, в унию насильно приводят и бьют, монастыри и церкви отнимают, а именно, недавно в Пинском повете монастырь Цеперский, принадлежащий виленскому братству св. духа, отнял насильно и в унию отдал князь несвижский Радзивил, канцлер Вел. княж. Литовского, и приобщи ко владениям митрополита униатского Зеленского; а в воеводстве Минском новоумышленную злобою те же гонители умерших православных христиан по древнему обыкновению хоронить не дают, и такого злобного и мирному договору противного гонения на православных, как ныне в стороне королевского величества чинится, никогда не бывало, что нам, великому государю, удивительно и болезненно показалось слышать. И ты бы королевскому величеству, сенаторам, канцлерам и иных чинов ближним людям говорил, чтоб королевское величество, по должности договоров вечного мира, приказал монастырь Цеперский возвратить по-прежнему православному виленскому братству сошествия св. духа, и православных христиан в унию не обращать, и умерших хоронить по древнему обыкновению, и впредь на такое неистовство дерзать заказал жестокими указами. А если се-

наторы станут тебя спрашивать, кто именно нам жаловался, то отвечай, что имен этих людей объявить невозможно, чтоб им за то и пущего разорения не учинилось».

Сенаторы пропели резиденту старую песню, что у них насильно в католическую веру никогда никого не обращают, а если кто добровольно обратится, принимают. «Какое же это добровольное обращение, когда обращенные жалуются царскому величеству на насилия?» – возразил резидент. Сенаторы отвечали, что ничего не знают о поступке Радзивила, однако указ королевский о том к нему пошлют.

12 мая, в воскресенье, у резидента на дворе были в церкви у обедни люди благочестивой веры – Бельского монастыря игумен Сильвестр Тройцевич с дьяконом и церковным причетником да львовцы, три человека; после обедни пришли они в светлицу к резиденту и говорили, что им и прочим благочестивым греко-российской веры людям от бискупов, езувитов, доминиканов и униатов гонения и всякое утеснение великое, грозят непрестанно, и ныне последнюю Львовскую епископию нудят в унию, и львовский епископ Иосиф Шумлянский приехал теперь в Варшаву для того, чтоб к униии приступить и шляхту, и мещан, и русских в то же соединение привести: однако они, сколько их мочи будет, никогда добровольно в униии быть не желают. Несмотря на договоры вечного мира, гонят здесь благочестие без всякого опасения, мирским благочестивой веры людям всякое ненавидение творят, церковей не только вновь строить и древних по-

чинивать заказано. Резидент говорил им, чтоб они все это дали на письме, а он донесет великому государю чрез почту, но они отвечали, что на письме дать невозможно, потому что сильно боятся католиков. Тогда резидент приказал одному христианину написать ту их *леряцью* тайно и обнадежил их, что имена их и прозвища никогда не откроются.

23 мая приехали к резиденту архимандрит Дионисий Жебокрицкий, номинат (назначенный) епископии Луцкой, игумены Почаевского монастыря – Иосиф Исаев, Бельского – Сильвестр Тройцевич и объявили, что Шумлянский в унию приступили теперь благочестивым людям горшее прежнего чинится гонение и к униии принуждение, а за них, кроме благочестивейшего монарха царского величества, стоять иным некому, и во всем имеют они надежду на милостивое охранение, заступление и праведное призрение царского величества. Резидент обнадеживал их и в удостоверение, как царь заботится о православии, показал грамоту к королю по поводу Цеперского монастыря. Вследствие отъезда королевского из Варшавы выехал оттуда за ним и резидент. Только что приехал он в Вильну 11 июля, пришли к нему игумен Духова монастыря Исакий с братиею и мирские люди благочестивой веры и говорили с великим плачем, что им здесь чинится от иезуитов великое гонение, иные и теперь сидят в тюрьме на цепях для принуждения к униии. Православные просили резидента, чтоб он постарался как-нибудь освободить заключенных. Судейкин на другой же день, будучи с визитом у гет-

мана литовского Сапеги, просил его освободить православных, которых унияты держат на цепях, и не поступать вопреки мирным договорам. Сапега сейчас же при резиденте отправил двоих иезуитов к униятам, чтоб освободили заключенных. Под Ригою мальборский хорунжий говорил Судейкину: «Получил я письмо из Львова от ваших греко-российской веры людей: пишут с плачем, что Шумлянский во Львове и во всей своей епархии многие церкви обратил, также и самих их принуждает к унии, и для устрашения коронный гетман Яблоновский дал ему отряд вооруженных людей. Но в привилегии королевской, данной Шумлянскому, не написано, чтоб неволить в унию и церкви обращать, и гетману Яблоновскому помогать ему в этом без воли Речи Посполитой не годилось. Донесите об этом королю, и я по королевскому указу к гетману и к Шумлянскому отпишу, чтоб они так не делали». Судейкин, донося об этом царю, прибавляет: «По-видимому, все похлебствуют, а истины отнюдь нет, и желают конечно, чтоб у них в Польше и Литве наше благочестие иссякло». По требованию резидента король послал к гетману и Шумлянскому листы с подкреплением, чтоб не неволили никого в унию.

Королевские листы ненадолго доставили спокойствие галицким православным. В феврале 1701 года к резиденту в Варшаве начали приходиться львовские братчики с великим плачем, что Шумлянский соборную и другие церкви гвалтом отобрал и принуждает их насильно в унию. Резидент вы-

хлопотал им у Августа новый лист, за королевскою рукою, но канцлер великий коронный, бискуп премышльскый, номинат бискупства Краковскаго не захотел запечатать листа коронною печатью. «Не могу приложить печать, – говорил он резиденту, – потому что я номинат бискупства Краковскаго и со дня на день ожидаю благословения от папы и если запечатаю этот лист, а Шумлянскый даст знать папе, то папа не пришлет мне благословения».

Палей писал Мазепе в марте 1701 года: в неделю Мытаря и Фарисея во Львове служил обедню Шумлянскый в соборном римском костеле, а в неделю Блуднаго сына служил обедню в церкви градской ксенз арцыбискуп с певчими без органов; проповедь сказывал священник благовещенскый после евангелия на русском языке, а другую иезуит Голимовскый после обедни на польском языке. Принудили всех мастеров русских крест целовать и подписываться на унию; русским благочестивым попам насильства другого не делают, только Климента, папу римскаго, на эктениях поминать велят.

Положение, в котором находилось русское правительство в начале 1701 года, не позволяло ему делать сильных представлений польскому правительству. В Биржах не было речи о притеснениях, которые терпят православные. В это время Судейкин был отозван с резидентства, и посланником в Польшу отправился в феврале 1701 года стольник Василий Постников, но в апреле поехал в Варшаву для нужнейших дел инкогнито ближний стольник и генерал-адъютант

князь Григорий Долгорукий: Постникову приказано «быть послушным Долгорукому и в настоящем тамошнем поведении согласным и приводить государевы дела ко всякой прибыли, тайно и явно с осторожностью и прилежным рдением, писать о делах к великому государю вместе и особо каждую неделю». Но Долгорукий скоро написал Головину: «Постников мне чинится ни мало не послушен, и говорить мне ему ни о чем невозможно, а я чаю, что станет меня скоро лаять; не извольте гневаться, я ему говорить ни о чем не буду». Постников был отозван. Долгорукий остался один на своем трудном посту. Главная забота русского посла состояла в том, чтобы швед как можно глубже завяз в Польше и забыл о России, а между тем Долгорукий видел, что король Август тайком старается заключить мир с Карлом XII.

У Долгорукого, впрочем, были сильные союзники: во-первых, сам Карл XII, не хотевший мириться с Августом, стремившийся во что бы то ни стало свергнуть его с престола, во-вторых, страшное беззастенчивое, господствовавшее в Литве и Польше. В Литве шла ожесточенная борьба между двумя могущественными вельможами – Огинским и Сапегою. Сапега, и прежде нерасположенный к королю Августу, а теперь побежденный Огинским, обратился к шведскому королю с просьбою о помощи. В Польше также явилась партия недовольных королем Августом; в челе ее стоял архиепископ гнезенский, кардинал-примас королевства Михаил Радзеевский, красивый, знатного происхождения, богатый, ученый,

красноречивый прелат, но при этом не имевший ни чести, ни совести. Он одобрял нападение Августа на Ливонию, служил благодарственный молебен за взятие Динамюнде, но, когда Август потерпел неудачи, Радзеевский вместе с другими панами переменял свой взгляд и начал толковать, что король своевольно, без согласия республики начал войну и потому поляки не должны в нее мешаться. В этом смысле завел он переписку с Карлом XII. Шведский король отвечал ему, что единственное средство для поляков избежать войны – это свергнуть с престола Августа. Паны толковали, что Польша не должна вмешиваться в войну, начатую ее королем, а между тем Карл XII, не обращая никакого внимания на это различие между королем и королевством, расположился с своим войском в Курляндии, бывшей польским леном, и шведы вторглись в Литву для подания помощи Сапеге.

Карл знал, что может распоряжаться в польских владениях как ему угодно – сопротивления не будет. В октябре 1701 года Долгорукий писал: «Как у его королевского величества, также и в скарбу Речи Посполитой великую скудость в деньгах имеют: однако ж у его королевского величества польским дамам, своим метрессам и на опары (оперы) и комедии довольно расходы деньгам, за что и ныне подстолиной Любомирской дано 20 тысяч, на опары опаристам 30000 ефимков, а всех належит выдать одним опаристам на зиму 100000 ефимков; многие офицеры и солдаты за многие годы заплаты не имеют и за своими тяжкими долгами в иные государства

выехать не могут. Воистину с великим трудом ныне отправляются дела его царского величества, потому что министр, которому вручены (Бейхлинг), держит факцию неприятельскую и никакого добра к стороне царского величества не желает, ни на кумплементе себя приятно показать не хочет и ныне которых я призвал инженеров и офицеров явно от службы его царского величества отбивает, а хотя из Варшавы выслан шведский посол, однако и ныне много есть резидентов шведских, которые служат при дворе королевском, также есть и в генералах». В декабре те же жалобы: «Дай боже, чтоб шведы с поляками союзу не учинили, потому что кардинал (Радзеевский) и другие сильные персоны за шведские деньги факцию и ныне держат; также и в самой высокой персоне крепости немного».

В высокой персоне крепости было действительно немного; высокая персона больше всего желала заключения мира с шведами, но Карл XII не хотел мириться. В мае 1702 года польские послы при Карле дали знать в Варшаву, что шведский король обещает дать им аудиенцию в Гродне, а резолюцию на их посольство хочет дать под Варшавою в Праге. Сенаторы испугались и начали пожитки свои отсылать за границу; король также собрался выехать из Варшавы в Краков, велел следовать за собою и Долгорукому, который писал Головину: «Вельми опасаются, что многие сенаторы к покою гораздо склонны, чтоб неприятель каким-нибудь лукавством не учинил нам противного союза. А королевское величество

великую скудость имеет в деньгах; на непотребные расходы имеет довольство, а на самое дело мало что имеет; зело его королевскому величеству деньги потребны для склонения к себе Речи Посполитой и на заплату войску».

Карл XII беспрепятственно вступил в Варшаву 11 мая с конным отрядом в 500 человек, а перед ним пришли сапезинцы, перемешанные со шведами. «И ныне, – доносил Долгорукий, – берут в Варшаве деньги и провиант, а польские послы до сих пор не могли добиться конференции у шведского короля. Несмотря на то, иные поляки от нерассуждения своего желают покою; бог знает какие безрассудные люди! Не хотят смотреть на пользу своего государства, каждый смотрит собственной прибыли, и если которого неприятель не возьмет за лоб, то без великой неволи боронить не только свое государство, но и себя не хотят. Истинно, хотя с ними альянс учинен будет, а продолжение войны их быть не чаю. Хотя от великого неприятельского принуждения войну начнут, но ежели от наступления неприятеля за помощью его царского величества могут освободиться, то, чаю, скоро войну свою пресекут. Также и высокая персона без охоты, за великим неприятельским принуждением войну начнет, а чтоб продолжительно вести, того не чаю, понеже его величество из той войны впредь себе не чает прибыли. Зело надлежит нам помогать как возможно ныне полякам, не мешкав, дабы неприятель не принудил их на нас с собою, понеже посол французский имеет при себе многие деньги, в Варшаве

королю шведскому вельми помогает и наклоняет к нему поляков, от чего боже упаси!»

В июле Карл поразил войска Августа под Клишовом, где с шведской стороны был убит зять короля, герцог Фридрих Голштейн-Готторпский. После этой победы шведы заняли Краков. Долгорукий доносил: «Бог знает, как может стоять Польская республика: вся от неприятеля и от междоусобной войны разорена вконец, и, кроме факций себе на зло, иного делать ничего на пользу не хотят. Только б как ни есть их удерживать от стороны неприятельской, а нам вспоможения от них я никакого не чаю для такого им от неприятеля разорения: не токмо все государство разорил, из костелов в Кракове мощи выметал, раки и ковчеги серебряные все побрал, гробы разорил, в замке дом королевский выжег и не токмо купецких и градских людей, но и законников из кляшторов тяжкими поборами выгнал, и больше того полякам разорения и ругания делать невозможно. Однако ни на что не глядят, все сенаторы ищут собственной прибыли. Какое вспоможение себе имеют всегда от его царского величества, прежде сего в турецкой войне, и ныне, однако все то ни за что вменяют, а не так озлоблены на неприятеля, как давнюю злобу имеют к нашему народу, только делать явно за скудостию и несогласием не смеют. Хотят они на коней сесть, только еще у них стремен нет, не по чему взлезть. Как бес-тия без разуму ходят, не знают, что над ними будет. Против неприятеля контры чинить не смогут и короля отступить не

хотят, только с обеих сторон имеют от войск великое разорение, от шведов и от саксонцев. Извольте войском промысл чинить в Лифлянтах, как вас бог наставит, а себя больше иметь в надеянии божии. Истинно, как на поляков, так и на саксонские войска гораздо надеяться невозможно: в обоих народах великий непорядок и скудость; не токмо в поляках и в саксонских войсках многие офицеры исполнены шведскою факциею и не так верны королевскому величеству, как себе имеют шведского короля за патрона; также и солдаты против неприятеля сердца потеряли, за что его королевское величество баталию дать с неприятелем не хочет, всегда будет убегать как возможно».

К великому непорядку в обоих народах присоединилось козацкое восстание на Украине. Коронный гетман Яблоновский поставил над козаками польской Украины наказным гетманом Самуся, который жил в Виннице. Потом, когда заключен был с турками мир, то польское правительство запретило Самусю называться не только гетманом, но и полковником, велено было распустить всех козаков, которым указаны для жительства разные места, а самому Самусю велено жить в Богуславле, где он сделан *осадником* с правом начальствовать над всеми людьми, которых он перезовет на поселение, *осадит*. Но когда Самусь *осадил* значительное число людей в Богуславле, то обозный коронный Яблоновский, сын покойного гетмана, прислал от себя туда на старство поляка и жидов для сбора таможенных и других по-

шлин, а у Самуся приказал отобрать войсковые клейноты – булаву, бунчук, печать и пять пушек. Самусь перебил при- сланных старосту-поляка и жидов, после чего пошел с сво- ими людьми в Корсунь, убил тамошнего губернатора, всех польских драгун и жидов, сделал то же самое в Лысянке и, намереваясь идти под Белую Церковь, написал 24 июля следующее письмо наказному полковнику переяславскому: «Благодарим всемилостивого бога, что наши враги не уте- шились: они не только на самого меня, старца, наветовали, но и весь народ христианский приговаривали под меч и на все Заднепрье хвалились. Знаю, что оскорбится на меня гос- подин гетман, что без указа его я это сделал, однако я по своей обиде принужден разбрататься с ляхами, и не только из Корсуни, но и изо всех городов украинских их выгнал, и сами мещане неверных жидов выбили, послыша от них отяг- чения, склоняясь под высоковладетельную державу царского величества и будучи готовы за веру христианскую умереть».

Извещая Головина об этих событиях, Мазепа заметил: «Сдается мне, что эта война нам не очень противна, потому что господа поляки, увидавши из поступка Самуся, что на- род наш малороссийский не может под их игом жить, пере- станут о Киеве и об Украине напоминать. Рассуждаю и то: не знаю, смел ли бы Самусь приняться за такое дело один, потому что человек он простой, писать не умеет; не подучен ли он королем встать против Яблоновских как неприятелей королевских? Если Самусь обратится ко мне за помощью,

что мне делать?»

Мазепа кроме короля искал еще человека, который подучил Самуся. Мазепа послал к Палею с запросом: «Скажи по совести христианской правду: за твоим ли советом и ведомом Самусь на той стороне начал бунты против поляков?» Палей отвечал под присягою, что Самусь начал дело не по его совету, но за его ведомом, потому что не раз писал к нему с жалобами на утеснения от поляков и жидов. Мазепа дал знать в Москву, что, по его мнению, Палей тут советник: и пасынок его находился в Корсуне, когда там начали бить поляков и жидов, и сват его Искра, полковник богуславский, был помощником Самуся во всем.

Огонь, зажженный Самусем, разгорался все более и более, по выражению Мазепы: во всей стране, от низовьев Буга и Днепра по реку Случь, по городкам и селам старосты и жида были побиты, другие от страха побежали в глубь Польши, крича, что наступила на них другая Хмельница. Палей отправил под Белую Церковь на помощь Самусю полторы тысячи своего войска. Мазепа не помогал явно, не брал Самуся под свое регименторство, но посылал ему порох и свинец, «чтоб его вовсе от себя не отогнать». От Белой Церкви Самусь принужден был отступить, но за то взял Немиров и не оставил в них ни одного поляка и жида. Соединясь с Палеем, Самусь 16 октября поразил и поляков под Бердичевом, взяли замок и всех поляков вырубали, после чего возвратились под Белую Церковь и взяли ее в начале ноября.

13 ноября Долгорукий писал к Головину: «Был я в доме у канцлера корунного, который сказывал, что с Украины приходят к ним бесполезные ведомости: козаки великие бунты завели, город Немиров и другие места взяли, шляхту бьют мучительно: и руки секут, и носы режут, у духовных бороды с кожей обдирают и из них бунчуки себе делают, и будто больше 4000 побили всякого чина, почему они, поляки, принуждены нанять крымских татар 25000 себе в помощь. На то ему, канцлеру, от меня отповедано, что такое им разорение делается факциями и злохитрым неприятельским происканием, а его царское величество для дружбы королевского величества, и к тому жалея о том разорении Речи Посполитой, изволил довольный указ дать своему гетману Мазепе, дабы козаки его царского величества к тем бунтам не приставали и всеми мерами от того дурна были удержаны, и по указу его монаршему гетман Мазепа по пограничным местам войска свои расставил и пропускать козаков не велел, и чтоб Речь Посполитая со стороны его царского величества ничего не опасалась».

Действительно, 28 декабря 1702 года от царского имени посланы были к Самусю и Палею грамоты: «О том вам ведомо подлинно, что с нами, великим государем, брат наш, его королевское величество польский, дружбу и любовь имеют. А тебе, конному охотничьему полковнику Семену Палею, и конному охотничьему полковнику Самусю Иванову, если бы и досаждение какое со стороны королевской от кого было,

и о том довелось бить челом его королевскому величеству. И мы, великий государь, имея к вам нашу милость, повелели послать сию грамоту, дабы могли вы иметь общее согласие и от начатого своего противного намерения престали б, а иметь воинские промыслы всякими мерами над общими неприятелями нашими, шведами».

Но борьбу русских с поляками трудно было прекратить. Палей писал Мазепе: «Присылаешь к нам монаршеские указы и свои предложения, чтоб мы с поляками войну совершенно отставили и к миру с ними пришли, а они, поляки, такие нам неприятели, что не только старых людей и жен, но и малых детей не пощадили, всех в пень вырубил».

1703 год Долгорукий начал обычными жалобами на польское беззрядье и на козацкие бунты: «По сие время, слава богу, явно при неприятеле ни одного воеводства коронного и литовского еще не обретается; однако совершенно надеяться на поляков невозможно: многие, которые от короля милость и великие уряды приняли, против него факции непрестанно делают; зело народ дивный, никакого добра сыскать в них невозможно, только всякого зла и бездушества исполнены, от чего пропадают и чаю, до конца скоро погинут; однако, как возможно, буду от стороны неприятельской удерживать. С Руси пишут, что бунты козацкие еще не перестали; для бога, извольте приложить труды к успокоению тех непотребных бунтов, которые поляков против неприятеля гораздо удерживают; паче всего можете тем усмирением склонить

к союзу Речь Посполитую».

В феврале Долгорукому было объявлено от имени королевского, что перехвачены письма Паткуля, из которых обнаруживаются сношения его с кардиналом Радзеевским: Паткуль просил кардинала исходатайствовать ему прощение у Карла XII, и кардинал отвечал, что Карл все прощает. Долгорукий отвечал, что донесет об этом своему государю, только пусть король, по дружбе к царскому величеству и для явного обличения, отошлет перехваченные письма к царю, который примет их с благодарностию и оплатит услугою за услугу. На это отвечали, что письма будут доставлены, но прежде надобно Паткуля спросить, писал ли он их, и если запрется, то уличить письмами. Долгорукий замечает при этом: «Все-му веры дать невозможно, больше, чаю, многое говорено от великой злобы».

Злоба эта происходила оттого, что Паткуль, видя положение дел короля Августа, видя, как тот домогается мира с Карлом, не считал более для себя полезным и безопасным оставаться на службе Августа и прямо объявил об этом Долгорукому в Варшаве. Тот донес царю и получил указ пригласить Паткуля в русскую службу. Весною 1702 года приехал Паткуль в Москву и принят в русскую службу в чине тайного советника. Понятно, что Петр мог сильно желать иметь в своей службе человека, знаменитого своими способностями, знаниями, энергиею, опытностию в делах европейских. Но Паткуль был ниже своей репутации и далеко не оправ-

дал надежд, возложенных на него царем. Прежде всего Паткуль вступил в русскую службу на время, как наемник, для достижения своих частных целей, вовсе не думая усыновляться России, отдать всего себя служению ей. Он оставался вполне иностранцем для России, для русских, и потому его внушения и советы шли наперекор намерениям Петра. Петр смотрел на военную и дипломатическую деятельность как на школу для русских людей; ошибки, необходимые вначале, нисколько не смущали его; иностранцы были призываемы помогать делу учения, а не заменять русских, не отнимать у них возможности упражнения, т. е. учения, не вытеснять их из школы. Но Паткуль, оставаясь вполне иностранцем в отношении к России, разумеется, смотрел иначе: он внушал, что русские не приготовлены к дипломатическому поприщу, делают ошибки и потому нужно заменить их везде искусными иностранцами. Петр хотел выучить мало-помалу русские полки военному искусству, считая лучшей школою войну; Паткуль советовал пригласить не известное количество иностранных офицеров, но целые немецкие полки. Петр хотел образовать искусных генералов из своих, русских; Паткуль советовал набрать все иностранных генералов, знаменитых своим воинским искусством, и предоставить им полную свободу наполнять свои полки офицерами, т. е. иностранцами. Петр с первого же раза должен был понять Паткуля. Хотели воспользоваться его способностями за границею, пока его интересы были тесно связаны с русскими ин-

тересами, брали в службу людей, им предлагаемых; внимательно прислушивались к его советам, учтиво отвечали на них, но не исполняли. Паткуль, презиравший русских дипломатов, упрекавший их в непростительных ошибках, Паткуль сам не мог быть полезен России на дипломатическом поприще; у него не доставало широкого взгляда, которым бы он обнимал все интересы известной страны, ясно понимал ее положение и верно выводил возможность для нее к тому или другому действию. Оторванный от родной страны, и то не имевшей самостоятельности, блуждающая звезда на политическом горизонте, Паткуль не знал стран и народов, их истории и созданных ею интересов; он знал только отдельные лица, хотел иметь дело только с отдельными личными побуждениями, их заставлял играть, но эти мелкие средства одни не помогали. Паткуль считал, например, мастерским делом устроить так, чтоб иностранный министр был пойман на словах, но из этого, кроме раздражения, не выходило ничего. Если читать донесения Паткуля, то выходит, что он работает неутомимо и отлично, а результатов никаких. Прибавим к тому нестерпимый характер, неумение себя сдерживать, жесткость, резкость, чрез меру высокое мнение о самом себе, низкое о других, и мы поймем, почему Паткуль не оправдал тех надежд, которые на него возлагались.

Паткуль из Москвы отправился в Вену склонять тамошний двор к союзу с Россиею. За делами в Польше по-прежнему внимательно и разумно следил Долгорукий.

Радзеевский и Сапега действовали подкупом, чтоб увлечь своих соотечественников в союз шведский против России; Долгорукий должен был вести контрмины также с помощью подарков; все знатные люди получали их от русского посла; некоторые обнаруживали неудовольствие, что мало присылается: «Нашей службы к царскому величеству много, больше других, мы не такой малости заслужили!» Для успокоения их Долгорукий должен был объявлять, что это прислано не от царя, а только от Головина, царь пришлет больше. В апреле Долгорукий имел конференцию с сенатом и послами всех трех провинций – Великопольской, Малопольской и Литвы, уговаривал вступить в союз с Россией против шведов, предлагал на войско 150000 рублей, сто тысяч займы, а пятьдесят без отдачи. Сенаторы и послы изъявили согласие, но требовали себе русской пехоты на помощь, просили также, чтоб царь помог им против козаков, заставил Палей отдать Белую Церковь. Долгорукий обещал, но тут распространяется слух, что султан хочет разорвать с царем и собирает войска на границе. «Насилу я мог у них из головы выбить, что то неправда, токмо неприятельские факции», – доносил Долгорукий. Уладил одно дело, явилась другая помеха: министры коронные и литовские объявили послу, что Паткуль, будучи проездом в Белой Церкви, дал знать коронному гетману, будто Палей без воли царской Белую Церковь Речи Посполитой не отдаст, а теперь тот же Паткуль к гетманам пишет, что Палей не отдаст Белой Церкви до тех

пор, пока Польша с царским величеством не заключит союза. «Зело дивно, – писал Долгорукий Головину, – если, не звав здешнего состояния, то делал Паткуль, от чего здесь к союзу великий труд учинил, а неприятелям, которые ищут зла, к великой пользе. Для бога, извольте со стороны Белой Церкви некое действие доброе к полякам показать и ясно к Речи Посполитой отписать, что сие господин Паткуль делал без воли его царского величества». Сам король говорил Долгорукому, что сомнение немалое имеет в господине Паткуле, который дружбу и союз его короля с царским величеством разрушает околичными прилогами, что неудовольствия, объявленные царем на поведение его, короля, он считает делом Паткуля, следствием его личной злобы. «Я хорошо знаю Паткуля, – продолжал король, – и царское величество также узнает, что Паткуль для собственного своего умысла и пользы службы своего государя оставляет».

Палей не отдавал Белой Церкви. Весною 1703 года Мазепа известил Головина, что пьяный Палей проговорился в Киеве: «Господин гетман нам в нужное время помощи войском не давал; если и впредь давать не будет, то поддадимся полякам, и не знаю, каково тогда и на Заднепръи будет». Головин требовал от Мазепы, чтоб старался о возвращении полякам Белой Церкви, что было необходимо при тогдашнем союзе с Польшею против шведов. Мазепа отвечал вопросом: как это сделать? Как Палея и Самуся привести к покорению полякам? «Захотят ли они, – писал Мазепа, – положиться на мои

голые слова, потому что от королевского величества и Речи Посполитой никакого обнадеживания нет; на чью ж бы душу тот грех пал, когда бы я всякими способами приватным моим обнадеживанием привел их к миру с поляками и отдал их с неволею, а они, поляки, захотели бы не только над нами, но и над народом, который теперь в их защите, так мучительно поступить, как по Днестру и по Бугу учинили: иных виселицею, иных бросанием на крюки, а иных взбиванием на кол казнили, мстя свои убытки и кроворазлитие. Для того изволь, вельможность ваша, прислать подлинную мне информацию. Палей и Самусь сидят смиренно; никакой с ляхами не чинят зацепки, проезд всяким людям свободен; только по вся дни примножается к ним гультайство, особенно из Запорожья; сотник Палеев, секретарь, будучи недавно с ним в Киеве, проговорился пред духовными особами, что „наш Палей заодно с атаманом кошевым смышляет и во всем его слушает, обо всем между собою тайно сносятся“».

В июне месяце собрался сейм в Люблине, на котором происходили явления, возможные только в Польше. На сейм явился кардинал примас Радзеевский и на другой же день стал просить приватной аудиенции у короля Августа, против которого явно действовал вместе с шведским королем. Послы поветовые, узнавши об этом, отправили к королю сеймового маршалка с представлением, чтоб не давал примасу приватной аудиенции, а дал бы в посольской избе пред всеми публично. Король исполнил их требование. На этой

публичной аудиенции многие послы коронные и литовские говорили примасу, что он привел и по сие время держит в их государстве шведского короля с войском, который все их государство разорил, «и многие его, кардинала, неправды вычитали с великим бесчестием». Радзеевский хотел оправдываться, но ему не дали открыть рта до тех пор, пока он, ставши на колени подле короля, не присягнул пред св. крестом, что шведского короля не приводил и до сего времени не удерживал, вперед королю Августу и Речи Посполитой никакого зла делать не будет, всегда станет искать чести и пользы своему государству. Произнесши эту присягу, явный изменник засел в сенате как первое после короля лицо в государстве. Долгорукий писал Головину: «Извольте, времени не опуская, потребное свое дело управлять, а на здешнюю сторону на оба народа худая надежда; хотя с ними и в союз вступить, истинно никакого состояния доброго от них не будет, и если неприятель Торн добудет, то их конечная худоба: саксонского войска пропадет лучшая часть, а которые и останутся, и те в сущем убожестве; у поляков шведы проход ко Гданску удержат и хлеба не пропустят, от чего их все Польское государство состоит, и к такой неприятель их тесноте приведет, что они и богу солгут, не токмо нам. Известно вам, какое есть здесь постоянство. Лучше того не могу признать, что по се время задержан здесь неприятель. Хотя наше войско помощное будет, опасно, чтоб до какой худобы не дошло; лучше б сильнее помочь деньгами, токмо чтоб и

те были употреблены по нашему намерению. Однако ж нам, сколько возможно, тружиться подле них надобно; нынешний год без всякого опасения извольте быть: чаю, конечно, неприятель зимовать здесь станет; хотя б с собою их быть и принудил (чего я больше не чаю), истинно как нам, так и ему того же часу солгать готовы. Не извольте того и мыслить, чтоб здешние оба народа для чести или прибыли государственной что стали с трудом делать, разве для какого ни есть покою. Если увижу, что наш союз станет отдаляться, то нам надобно ходить, чтоб король перепустил нам своего войска. Истинно не знаю, как этому войску пробить нынешнюю зиму: поляки зимовых кварталер у себя дать не хотят, готовых провиантов нигде нет; жалко смотреть, в какой нищете и в худом состоянии королевские войска ныне пребывают, а чтоб была амуниция или какая артиллерия, о том и помянуть ненадобно: что ни было, все побрал неприятель; разве бог сошлет св. духа, чтоб их наставил на доброе дело».

Доброго дела не было: по старанию Радзеевского и познанского воеводы Станислава Лещинского в великой Польше образовалась конфедерация против Августа. Шведы, под начальством генерала Реншельда, заняли Познань и поддерживали конфедерацию.

Но в Литве приверженцы Августа имели перевес: 28 июня 1703 года послы Великого княжества Литовского Галецкий и Хржановский заключили с Головиным договор, в котором обязались стоять за короля Августа, а Головин обещал

выдать в Смоленске литовскому комиссару 30000 рублей, как скоро Речь Посполитая вступит в союз с Россией. Генерал-майор Корсак получил приказание двинуться из Смоленска к литовским границам, а стародубский полковник Миклашевский с 15000 малороссийских козаков идти под Быхов и отнять его у засевших в нем сапежинцев.

В конце сентября сдался шведам Торн после пятимесячной осады. Это событие усилило враждебную Августу партию, и в декабре Карл XII торжественно обратился с письмом к Польской республике, предлагая возвести на престол принца Якова Собеского и обещая поддерживать нового короля до окончательного утверждения его на престоле. Англия, Голландия и Австрия сильно встревожились, узнавши об этом поступке шведского короля. Английский посланник Робинзон представлял Карлу, как многим покажется жестоким и несправедливым заставлять поляков свергнуть короля, которого они сами выбрали и хотят иметь; кроме того, как опасно давать народу случай свергать своего короля. «Удивительно, – отвечал Карл, – слышать такие замечания от посланника того государства, которое имело дерзость отрубить голову своему королю. Позволивши себе такое дело, Англия теперь упрекает меня в том, что я хочу лишить короны государя, вполне достойного этого наказания».

В январе 1704 года примас Радзеевский созвал сейм в Варшаве под предлогом заключения мира с шведским королем, который объявил, что хочет трактовать только с респуб-

ликою, а не с королем Августом. Предлог этот был нужен для того, чтоб сейм происходил в отсутствии короля. Уполномоченным от Карла на сейме был генерал Горн, и отряд шведского войска помещался подле здания, где происходили заседания сейма. Многие послы поветовые, не ожидая проку от такого сейма, начали было разъезжаться, но Радзеевский и Горн, заметив это, расставили у всех выездов шведских солдат, которые никого не пропускали. 2 февраля Горн передал сейму письменное объявление, что государь его не может войти ни в какие переговоры с республикою, пока она не будет свободна, т. е. чтоб переговоры и решения настоящего сейма не могли ни от кого зависеть, а для этого необходимо, чтоб король Август был свергнут с престола. Поляки будут иметь полное право это сделать, когда увидят неоспоримые доказательства, что король Август питал самые вредные замыслы против республики. Сейм потребовал этих доказательств, и на следующий день Горн представил извлечения из писем, перехваченных у графа Фицтума, когда тот в 1702 году ездил послом от Августа к Карлу. В письмах не заключалось прямых улик против Августа, но они были способны произвести сильное раздражение, потому что в них поляки назывались несостоятельными, вероломными, преданными пьянству и т. п.; также в этих письмах заключались намеки на возможность раздробления польских владений. Раздраженные депутаты постановили – отказать Августу в верности и послушании. Раздражение еще более усилилось, когда узна-

ли, что Август по совету Паткуля, находившегося теперь при его дворе, схватил своего соперника, принца Якова Собеского, вместе с братом его Константином, считавших себя безопасными в Силезии, во владениях императорских; Собеские были заключены в Кенигсштейне.

Но когда первый пыл прошел, многие начали раскаиваться в сеймовом решении как совершенно незаконном и оскорбительном для нации, потому что оно последовало под чуждым влиянием. Скоро после этого король Август созвал другой сейм в Сендомире, где было постановлено – защищать права короля Августа, а Радзеевского с товарищи объявить врагами отечества. Это постановление было подписано 134 депутатами, тогда как постановление варшавского сейма подписали только 70 депутатов, и скоро оказалось, что большинство польского народонаселения было на стороне Августа. Вследствие этого партия Радзеевского начала колебаться, и обнародование решения варшавского сейма замедлило. Это сильно раздражало Карла: он требовал, чтоб польский престол торжественно был объявлен вакантным, грозя жестокими угрозами всем тем, кто будет этому противиться. Он дал знать сейму, что Польша может получить мир с Швециею только под условием торжественного признания своего трона вакантным, за что обещал 500000 талеров. Гарнизон в Варшаве был усилен для поддержки уступчивых, для грозы строптивым депутатам, и этим средством Горну удалось наконец исполнить желание своего короля: сейм обнародо-

вал, что Август лишен престола и должно быть приступлено к избранию нового короля.

Кто же будет этим новым польским королем *милостию* короля шведского, потому что Карл не думал предоставлять полякам свободного выбора? Двое Собеских были заключены в Кенигштейне; узнавши, что они схвачены Августом, Карл сказал: «Ничего, мы состряпаем другого короля полякам», – и предложил корону третьему Собескому, Александру, но тот не принял опасного дара. Карл был в большом затруднении. Говорят, министр его Пипер стал внушать, чтоб Карл провозгласил самого себя польским королем, снискал расположение народа уничтожением крепостного состояния и ввел бы в Польшу лютеранство, как то сделал Густав Ваза в Швеции. Карл отвечал: «Я лучше хочу раздавать государства другим, чем приобретать их для себя, а ты был бы отличным министром какого-нибудь итальянского князя».

Из польских вельмож самым могущественным был коронный великий гетман Любомирский, которому и хотелось в короли; первым богачом был Радзивил, но Карл остановил свое внимание на человеке, который ему больше других нравился: то был Станислав Лещинский, воевода познаньский. Лещинский действительно мог нравиться: он был молод, приятной наружности, честен, жив, отлично образован, но у него не доставало главного, чтоб быть королем в такое бурное время, не доставало силы характера и выдержливости. Выбор человека, не выдававшегося резко вперед ни бле-

стящими способностями, ни знатностию происхождения, ни богатством, разумеется, был важною ошибкою со стороны Карла; поднялся страшный ропот, ибо многие считали себя выше Лещинского в том или другом отношении. Радзеевский не хотел слышать о Лещинском, Любомирский начал склоняться на сторону Августа. Но упрямый Карл не думал уступать; шведские генералы жгли без пощады имения тех вельмож, которые стояли за Августа. На избирательный сейм не явилось ни одного воеводы, кроме Лещинского; из епископов был только один познаньский, из важных чиновников один Сапега; зато на поле, где должно было происходить избрание, виднелось 300 шведских драгунов и 500 человек пехоты, сам Карл находился с войском в трех милях от Варшавы. При страшном шуме и протестах шведская партия выкрикнула Лещинского королем.

Что же делал Долгорукий во время всей этой смуты 1704 года? 2 февраля он писал Головину: «При дворе королевском как министры, так мало не все саксонцы союзу с Россиею гораздо противны и всеми способами ищут препятствия, не уважают чести и пользы его величества, кроме одного постороннего князя Фюрстенберга, который великую склонность к стороне его царского величества имеет и пользы и дружбы между их величествами желает. Во время нынешнего моего пребывания с королем в Саксонии изо всего двора любовь и честь, по моему характеру, только имел я от него, Фюрстенберга, а другие саксонцы и видеть меня не

хотели». Министр Флюк ни разу не надел присланного ему Андреевского ордена. Посол императорский хлопотал всеми силами, чтоб Август удалился из Польши в Саксонию; саксонские министры помогали ему в этом тайно. Узнавши об этом, я представил королю, чтоб он, надеясь на помощь царскую, без всякого сомнения спешил походом в Литву для соединения с литовским и вспомогательным русским войском, пока неприятель не пресек пути; в противном случае если неприятель поспешит вступить в Литву, то и тамошнее войско, оставленное без помощи, принуждено будет к такому же непотребному делу в конфедерацию, а если литовские войска отступят, то больше уже никакой надежды во всей Речи Посполитой не останется, а которые люди его королевскому величеству предлагают и рассуждают непотребно, для своих интересов, таким бы непотребным советам веры давать не изволил. Король отвечал, что соединиться с войсками союзными и литовскими сильно желает, только за поздним выступлением своих саксонских войск скоро идти в поход ему нельзя: 5000 войска, которое теперь при нем, находится в великой скудости, да и с таким малым числом идти в такой дальний поход очень опасно, ибо коронные гетманы неверны; уйти далеко от Саксонии за скудостью денег трудно, не только войско, но и двор свой содержать в таком дальнем пути нельзя. Я настаивал на своем, что если король своих войск скоро из Саксонии не получит или с теми, которые при нем, в поход не выступит и литовцев оставит без помо-

щи, то легко лишится короны, которую неприятель старается всеми силами у него отнять. Я представлял, что царь во всех трудных делах по сие время никогда его не покидал, и ныне не покинет, и если войско и двор его королевский по какому-нибудь случаю будут в скудости, то царское величество до времени их не оставит и будет содержать во всяком довольстве. «Подтверждая, к вам пишу, что гораздо надлежит ныне иметь нам частую корреспонденцию, дабы мы ведали все действо и свое состояние. Не так потребно царскому величеству показать в нынешнем времени силу свою в северных странах против неприятеля, как здесь в Польском государстве. Если мы не пресечем сильно намерения неприятельского, то впредь трудно будет домогаться чрез многое время и не мочно будет достать за многочисленную цену».

Но мы видели, что кроме Долгорукого при дворе Августа явился и другой царский посланник, Паткуль. Их донесения о польских делах не всегда были согласны. Так, Паткуль писал, что в Литве Вишневецкий и Огинский склоняются к неприятелю. Долгорукий опровергал это известие, писал, что нельзя сомневаться в этих вельможах, потому что переход на неприятельскую сторону противен их интересам и натуре. И в Польше провозглашение *детронизации* Августа имело хорошие последствия, по донесениям Долгорукого: «Все теперь открыто, и остался один исход – война, лукавые факции и предлоги неправые пресечены, скоро окажется, кто будет при короле, кто против него, у самого короля

открылись глаза и много прибавилось к доброму делу охоты, и поляки добрее в своем деле теперь поступают». При этом Долгорукий советовал не давать денег более братьям Любомирским, гетману и подскарбию за их злодейство и к царскому величеству противность, тем более что и без великих подарков они скоро принуждены будут пристать к русской стороне; нечего их опасаться: и не в нынешнее время, в лучшую пору сабля гетманская не остра и подскарбиев мешок пуст, не могут они сделать ни добра, ни зла.

Долгорукий поспешил успокоить Головина и насчет нового или другого польского короля: «О нововыбранном в Варшаве корوليце не извольте много сомневаться; выбран такой, который нам всех легче: человек молодой и в Речи Посполитой незнатный, кредита не имеет, так что и самые ближние его свойственники ни во что его ставят и слышать о выборе его не хотят. Труднее бы для нас было, если бы выбрали королевича Александра Собеского, к которому поляки скорее бы пристали, и если король Август будет здесь сильнее неприятеля, то Станислав Лещинский исчезнет и нигде себе места не найдет».

Но если и Долгорукий писал, что не так потребно царскому величеству в нынешнее время показать силу свою в северных странах против неприятеля, как здесь в Польском государстве, то еще сильнее настаивал Паткуль на том, чтоб царь оставил прибалтийские страны и все свои войска перевел в Польшу для непосредственной борьбы здесь с Кар-

лом. Но в 1704 году это было совершенно противно намерениям Петра, который, пользуясь увязнутием Карла в Польше, хотел обеспечить себе Ингрию и сделать для шведов войну в прибалтийских областях как можно затруднительнее. Паткулю, сильно протестовавшему и прежде против опустошения Ливонии, не нравилось утверждение царя на Балтийском море. Он писал Петру о желании короля Августа знать, какие будут распоряжения относительно возвращенных гаваней, чтоб не возбудить опасения в прочих потентатах, владения которых находятся при Балтийском море? Петр велел отвечать: «Война произошла от озлобления, нанесенного в Риме не только послам, но и самой царской особе, и господь богом посредством оружия возвратил большую часть дедовского наследства, неправедно похищенного. Умножение флота имеет единственную целию обеспечение торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россию, во-первых, потому, что они изначала ей принадлежали, во-вторых, потому, что пристани необходимы для государства, „ибо чрез сих артерии может здравее и прибыльнее сердце государственное быть“. Его царское величество объявляет, что ни единой деревни шведской не желает себе, понеже его величество всегда сие в памяти имеет, чтоб не быть причиною озлобления всех потентатов, что и делом, богу поспешествующу, окажет во уверение всем».

Еще в начале 1704 года Петр сообщил Паткулю свои мысли насчет ведения войны в этом году. «Король, как видим,

спешит окончить дело счастливым полевым боем, но на чьей стороне будет успех – об этом знает один всевышний, нам же, как людям, надлежит смотреть ближайшее. Искание генерального бою зело опасно, ибо в один час может все дело быть ниспровергнуто (как случилось под Клишовом в 1702 году). Поэтому надобно, чтоб король в наступающее лето, устроив войско свое добрым порядком, старался бить неприятеля по частям и удерживал его в Польше, чтоб мы могли весною в Лифляндии два или три города осадить. Города эти, не имея ниоткуда помощи, принуждены будут нам сдаться; мы их отдадим королю, который таким образом утвердится в Лифляндии лучше, чем прежде, и ближе к нам, к Ингрии, где теперь все наши войска, а прежде не было ни человека. Саксония, видя короля своего с таким основательным прибытком, будет усерднее помогать; также, если с кем-нибудь из нас случится несчастье, то будет куда пристать и поправиться, а не так, как на Двине: по одну сторону шведы, по другую поляки, и потому принуждены были с бесчестием в Саксонию бежать. Шведы не благодаря ли крепостям основательно смелы в этих землях? Если же король будет искать генерального боя и если этот бой кончится для него несчастливым, то что произойдет? Мы можем потерять все свои завоевания и будем отделены друг от друга, а король не только от неприятеля, но и от бешеных поляков со срамом выгнан и престола лишен быть может. Поэтому надобно хорошенько подумать и не ввергать себя в такое бедствие».

Паткуль настаивал на своем, писал, что, будучи в Берлине, он мог побудить прусского короля к вступлению в союз только обещанием, что войска саксонские, русские, датские и прусские соединятся вместе и своею многочисленностию подавят шведов в Польше, после чего союзники приступят к разделу Польши, Лифляндии, Померании и Голштинии. Прусский король Фридрих I так обрадовался этому предложению, что сейчас же велел вербовать 12000 войска, но когда узнал, что царь, вместо того чтоб двинуться в Польшу, обратился к Нарве, то сильно рассердился и остался в бездействии. Чтоб отвлечь царя от осады Нарвы, напугать его ее следствиями, Паткуль писал: «Хорошо, если шведский король будет упрям по-прежнему: это будет очень выгодно для вашего величества, но если взятие Нарвы поумягчит его и склонит к миру, то опасаясь я очень, чтоб Голландия, Англия и цесарь не устроили мир, который никогда не будет выгоден вашему величеству; тут они все явно покажут то, что теперь тайно в сердце носят, а именно ненависть и зависть к России». Паткуль доносил также, что на имперском сейме в Регенсбурге тайно хлопчут о мире между польским и шведским королями и толкуют сильно об опасных следствиях, какие может иметь утверждение русского царя на Балтийском море, что подобное же опасение возбуждено и при всех других европейских дворах, не исключая и датского; из этого Паткуль выводил, что для царя должно быть главным правилом – шведа в Польше разорить и там устроить глав-

ную сцену военных действий до самого прекращения войны.

Паткуль в другой раз побывал тайно в Берлине и нашел прусского короля при прежнем намерении – приступить к союзу против Карла XII, если силы союзников в Польше будут так велики, что можно станет надеяться на успех. Король объявил Паткулю, что союзники должны заставить Карла XII выйти из польской Пруссии и этим дать прусскому королю перевести дух; иначе он не может сделать ни малейшего движения, пока шведы находятся в польской Пруссии и в состоянии, по первому подозрению, разорить бранденбургскую Пруссию и его, короля, так отделать, что он после не в состоянии будет повернуть ни рукою, ни ногою, потому что ему с бранденбургской Пруссии сходит миллион ефимков. «В то же время, – доносил Паткуль, – мы договариваемся и с королем польским, только тайно. *Главнейшее и труднейшее о польской Пруссии определили*».

Насчет союза с Польшею Паткуль писал: «Поляки желают огромных денежных пособий: надобно им рот хорошенько мазать и не скупиться на обещания, но при этом постановить такие условия, каких они исполнить не в состоянии. Тогда явно можно их будет понуждать к исполнению союзного договора, а тайно мешать этому исполнению и таким образом получить право не давать им денег, а между тем будем их держать на веревке».

Союз между Россией и Польшею против шведов был окончательно заключен 19 августа 1704 года. Союзные дер-

жавы обязались воевать против общего врага, короля шведского, на суше и на море, отдельных договоров с ним не заключать и ни в какие сношения не входить. Палея принудить возвратить республике города и крепости, взятые в Смутное время. Все города и крепости, покоренные русскими в Ливонии, должны быть уступлены Польше. Царь посылает королю под его команду 12000 войска; на 1705 год выдает королю 200000 рублей, или 2 миллиона польских злотых, на содержание польского войска, которое должно состоять из 26200 человек пехоты и 21800 – конницы. На будущее время каждый год, до окончания войны, уплачивает по 200000 рублей.

Между тем явились к королю в местечко Сокал (Бельзского воеводства) одиннадцать русских вспомогательных полков с отрядом козаков малороссийских. Полки привел обер-комиссар князь Дмитрий Михайлович Голицын; козаками начальствовал наказной гетман Данила Апостол.

Король Август, по словам Паткуля, остался очень доволен солдатами, но офицеры оказались никуда не годными и по возможности заменены были немецкими. Притом, по причине тяжкого похода, войско было истомлено, оказалось в нем много больных и беглых, в строю явилось от 6000 до 7000; из малороссийских козаков вместо 6000 оказалось только 3000. «Рядовые солдаты, – писал Паткуль, – так хороши, что лучше желать нельзя, обнаруживают совершенное послушание и охотно исполняют все, что им приказывают, но с офицерами невозможно ничего исполнить, и потому рядовые почти са-

ми собою управляются; батальон стрельцов лучше всех; они очень понравились королю и генералам, особенно потому, что все крупные люди и одеты в одинаковое платье. Король просит ваше величество прислать ему 4000 таких выборных старых стрельцов, которые прежде уже были солдатами. Ружья большею частию нехороши и не равного калибра; одежда и убор во всех полках очень дурны». Паткуль, принявший начальство над присланными войсками, сейчас же столкнулся с князем Дмитрием Михайловичем Голицыным, потому что офицеры постоянно ссылались на князя и, кроме его, не хотели слушаться ничьих других приказаний. Может быть, поэтому они и оказались так дурны в глазах Паткуля, который жаловался на Голицына, что он своими комиссарскими распоряжениями сильно вредит войску и если распоряжения эти будут продолжаться впредь, то войско может рассеяться от голода. Паткуль жаловался на непоследовательность Голицына, который то возьмет доставку всех запасов на себя, то вдруг слагает эту обязанность на королевское комиссарство, то сам хочет печь хлеб, то вдруг требует печеного хлеба, и требует, чтоб он доставлен был во мгновение ока. Паткуль сильно жаловался также на козаков: «Я команду над этими дикими людьми сдал генералу Брандту, потому что между ними нет послушания и никакого мужества, ни к чему они не годятся, кроме грабежа, который производит в войске голод и по всей земле великие жалобы. Оружие у них плохое; иные, кроме дубин, ничего не имеют».

Между тем в письмах к Головину Паткуль не переставал настаивать, чтоб царь со всем войском шел в Польшу: «Король Август мне сам говорил, что он решился лучше корону оставить, нежели вести такую жалкую оборонительную войну, на позор всему свету, давать себя гонять из одного угла в другой. Притом же так много людей, которые хлопочут, как бы разъединить царское величество с королем польским, именно желают этого саксонцы и цесарский двор; наговаривают королю, что он несет все бремя войны, а награды никакой себе ожидать не может, только Саксонию изнурит; денежные пособия от царя идут только на войну, для страны от них никакой пользы нет, а царь между тем берет себе города. Уверяю ваше превосходительство, – продолжает Паткуль, – что ни взятие Нарвы, ни победы в Лифляндии не заключают в себе ничего решительного; пока шведский король будет господствовать в Польше, до тех пор он будет господином войны и мира; надобно заметить, что в 1702 году он привел в Польшу только 12000 войска, в 1703 у него уже было 24000, в нынешнем 1704 году у него 33000, и без всякого сомнения полагать надобно, что в будущем году у него будет больше 40000».

В конце лета королю Августу удалось взять у шведов Варшаву с помощью русских войск; ему хотелось взять у них и Познань, для чего отправил к этому городу Паткуля с польскими и русскими войсками. Месяц простоял Паткуль бесплодно под городом, складывая всю вину на то, что не при-

ходили обещанные 1500 человек саксонской пехоты; по его словам, он решился было уже и без этой пехоты на приступ, как получил от короля Августа приказание снять немедленно осаду и отвести войско в безопасное место. Паткуль отвел войско в саксонские владения, в Нижние Лужицы (Лаузиц), и расположился при местечке Губбене, причем в русских полках оказался недочет в 1900 человек. Не все русские войска были с Паткулем при осаде Познани: четыре полка, под начальством полковника Герца, были оставлены им на Висле при большой саксонской армии. Отдалившись от этой армии, они были настигнуты шведами близ Фрауштадта, храбро защищались против превосходного числом неприятеля и, потерявши 900 человек в битве, засели в деревне Тиллероте. На другой день шведы напали на них и здесь; русские защищали каждый дом, каждый шаг, шведы предложили им сдаться, грозя, что в противном случае зажгут деревню; русские отвечали, что будут защищаться до последнего человека – и сдержали слово: множество их пало с оружием в руках или погибло в зажженных шведами домах, другим удалось уйти.

Паткуль жаловался на козаков, козаки – на Паткуля. Данила Апостол писал Мазепе: «От начала верной службы нашей престолу пресветлейших монархов никогда не были мы в таком бесчестии и поругании, как здесь от господина Паткуля, который самовольно принуждает нас быть под его командою и бесчеловечную обнаруживает суровость, страща-

ет нас виселицею и объявляет, будто великий государь отдал нас сюда за тем, чтоб и имя наше пропало. Под Варшавою 24 августа назначено было идти на штурм, и Паткуль велел козакам одеваться в латы немецкие; один козак не захотел, и он ему поранил ухо, другой не захотел – того прибил мало не до смерти. Разговаривать с ним, гордомысленным, трудно. Слезно, именем всего войска прошу избавить нас из-под команды этого злочестивого человека. О чем ни просим – не слушает, а потехи не спрашивай: войско наго, босо, голодно. Только советной отрады имеем у князя Григорья Федоровича Долгорукого, с которым без толмача разговаривать можем; также и генерал Брандт со мною в товарищеском совете, и он только мне подает отраду и утеху, как человек правдивой совести и знающий хорошо здешние поведения; если б не он, бог весть, как бы я обходился с этими немцами, не умея с ними разговаривать. Если дальше должны будем идти, то войско, и под страхом смертной казни, не удержится, потому что нечем жить; хотя и служим, обливаясь кровию и теряя живот за здешний маестат, однако чести ни от кого не имеем». Апостол не оправдывает и козаков своих. «Козаки, – пишет он Мазепе, – так остервенели на своевольстве, что никак их унять нельзя, хотя беспрестанно и без пощады наказываются».

В декабре 1704 года явились в Малороссию козаки, ходившие в Польшу, и объявили, что, отступив от Познани, Паткуль отобрал от них лошадей и отпустил пешком, не давши

ни провожатого, ни наставления, куда им лучше пройти; они пошли к Кракову, но, не доходя до Велюна, были настигнуты шведами и поляками Лещинского и разбиты; спаслось в Краков 80 человек, которые и возвратились в Малороссию с пропускным листом от короля Августа. Козаки возвратились без вождей: Апостол, без царского указа, бросил свое войско и уехал домой; то же самое сделал переяславский полковник Мирович, отговариваясь голодом и холодом.

Про козаков никто не говорил доброго слова, но никто не говорил доброго слова и про Паткуля. Долгорукий писал Головину: «Король мне на Паткуля жаловался, будто он с досады, что не успел взять Познани, к его величеству писал так противно, что токмо изволил терпеть для дружбы царского величества, и притом будто с сердца писал, что и команду свою хочет покинуть. Изволите вы, чаю, Паткуля знать: не токмо слова, но и письма его надобно рассуждать; если во время злобы пишет, в то время и самому богу на похвалу на напишет».

В то время когда козаки ссорились с Паткулем в Польше и Саксонии, гетман их Мазепа управлялся с Палеем.

Еще летом 1703 года Мазепа дал знать в Москву, что Палей и Искра поссорились с Самусем, хотя у него самого отобрать гетманские клейноты и Самусь хочет перейти под гетманский регимент в полк Переяславский, где у него родной брат и другие родственники, но он, Мазепа, не позволил ему этого, велел до времени жить по-прежнему в Богусла-

ве. «Палей почал вельми высоко забирать, – доносил Мазепа, – и не так с желательством своим ко мне отзывается, как прежде, и от часу больше к себе гультяев прибирает. Я жалованье монаршеское, к Палею присланное, у себя задержал до времени, присматриваясь к дальнейшим его поступкам. Пишет ко мне Палей, хвалясь, что крепость Белоцерковскую твердо укрепил, загнав с Полесья две тысячи человек. Самусь хвалится, что город Богуславль починил и укрепил. Искра объявляет, что Корсунь свой обновил и укрепил. Самовольства очень много со всех сторон к ним прибирается». В июле Мазепа писал: «Палей и не мыслит об отдаче полякам Белоцерковской фортеции, потому что города строит и большую силу гультяев к себе прибирает. Если нужно отдать полякам эту фортецию, то можно это сделать только таким способом: ехать мне самому в Киев с небольшим отрядом войска, будто для поклонения св. местам, призвать к себе туда Палея, Самуся, Искру и не отпускать их домой, но свои войска послать в Белоцерковскую и другие фортеции. Дивная то речь, что поляки, имея перед собою нужнейшее дело воинское со шведами, так часто великому государю прошениями своими о Белоцерковской фортеции докучают. Возможно, послу царского величества, при дворе польском резидующему, объявлять полякам, что и после можно будет им получить Белую Церковь, потому что Палей, Самусь и Искра на небо не взлезут, под землю не схоронятся, должны будут волею-неволею исполнить монаршеский указ». В сен-

тябре Мазепа прислал за новым монаршеским указом: «Палей, Самусь и Искра, поссорившись, пишут ко мне, просят, чтоб я их поделил и универсалом своим тот надел утвердил. Палей от себя присылал ко мне людей, прося денег на жалованье своему войску; также Самусь и Искра, имея при себе несколько сот конного гультайства, оставшегося от прежних бунтов, просят денег, сказывая, что гультайство это к ним собиралось, будучи обнадежено добычею ляхскою, а ныне, когда я указом монаршеским пригрозил, чтоб смирно жили и ляхов не задирали, то они и докучают о деньгах, чтоб как-нибудь им гультайство у себя удержать». В январе 1704 года Самусь и Искра приехали к Мазепе в Батурин с просьбою, чтоб успокоил их ссору за города и села около Богуславля и Корсуня. Мазепа отвечал им: «Как вы там без моего ведома сели и завладели, так сидите и делайтесь, как вам надобно, а мне ненависти от поляков и даровой докуки не наносите». Самусь и Искра сказали на это: «Куда же нам деться, как не к православному монарху и не к вашей милости? Пишешься обеих сторон гетманом? Если вами не будем приняты, то доведется всем рассыпаться куда глаза глядят, потому что за поляками по их мучительству жить не можем и не хотим». 20 февраля 1704 года монаршеский указ состоялся – чтоб Палей непременно отдал Белую Церковь полякам, иначе вступят в нее царские войска. Но 29 февраля Мазепа писал следующее Головину: «Приехал ко мне Цыганчук, обозный Палеев, с платком свадебным, потому что Палей женил пасын-

ка своего. Этот Цыганчук секретно сказывал мне, что Палей замышляет в подданство к ляхам, будучи прельщен частыми подсылками от Любомирских, подкомория коронного и гетмана. Любомирский же беспрестанно Самуся обсылает, то материями, то перстнями. Не лучше ли мне самому налегке в Киев поехать, а Палея из Белой Церкви в Киев будто на секрет призывать; из Киева лучше и способнее, чем из Батурина, исполнить волю монаршескую о Белой Церкви или о иных каких монаршеских делах. А если Палей с подручниками своими под власть лядскую приклонится, то нельзя надеяться от них ничего доброго: на сию сторону Днепра огонь выкинут, не забудут и запорожцев, яко малодушных и непостоянных людей, до своей компании призвать».

Чтоб заставить Палея высказаться, Мазепа послал к нему знатного козака с увещанием действовать против поляков по-прежнему; Палей отвечал: «Как мне с ляхами в доброй приязни не жить и к ним не склоняться, когда от царского величества и от гетмана получаю частые грамоты, чтоб мне с ляхами жить смирно и Белую Церковь им уступить. Но я ляхам и никому иному Белой Церкви не отдам, разве меня из нее за ноги выволокут».

В апреле Мазепа получил царский указ выступить со всем своим войском в польские владения против приверженцев Лещинского. Мазепа выступил в поход и 3 июня писал Головину: «О Палее прилежное имею радение, чтоб устремить его против Любомирских, хотя с моею помощью, потому что

при нем мало войска. Будучи насыщен духом и подарками Любомирских, он отговаривается то болезнию, то другими причинами и не хочет над ними промышлять; притом уже четыре недели как в обозе при мне находится и постоянно пьян, день и ночь, ни разу не видал его трезвого; да и товарищество его, как вижу, тем же духом Любомирских наполнилось». 15 июня новые вести о Палее от Мазепы: «Самусь, приехавший ко мне в обоз, был у меня несколько раз на приватном разговоре и объявил, что Палей подлинно ничего доброго царскому величеству и королю Августу не мыслит; присягнувши с домом Любомирских и побравши от них знатные подарки, обещал верно служить и постоянно пересылаться с ними тайно; так, недавно дал им знать: „Не бойтесь: гетман только для страха вам вышел, а ничего с вами не будет делать, вы что начали, то и продолжайте“. Самусь рассказал и то: Палей собирал раду за Белою Церковию и объявил, что Любомирские взяли его в защиту со всем его войском, говорил народу: „Во всей Польше нет знатнее и сильнее их; только они могут нас уберечь, потому что ежедневно надобно ждать под Киев шведа, государь московский далеко, а король польский на защитит, потому что и самого себя защитит не может. Сами знаете, каковы войска козацкие: немного постоят в поле, а как придет сенокос да жатва, то все и разойдутся по домам, гетман останется один, да и москва все новая, невоенная, которая не может вам ничего сделать“. „Еще потерплю ему до времени, – писал Мазепа, – пока, даст

бог, перехвачу письма от Любомирских к нему или от него к Любомирским; когда будет явная улика в измене, тогда велю за караул его взять“».

Но улики не было, Палей стоял вместе с Мазепою, и тот продолжал посылать на него жалобы Головину: «Палей говорит перед своими козаками: гетман здесь даром стоит и никакого промысла военного не делает; если б я с своими людьми пошел, то давно б и я и люди мои обогатились добычею. – Я ему представляю, что по указу царскому и по желанию короля польского я должен стоять тут, а в глубь Польши не вступать, чтобы не разорять поляков и не давать им повода к ненависти против короля Августа. Но он ничего не слушает; рацьями говорить с ним трудно, ничего не понимает, потому что ум его помрачен повседневым пьянством. Гультайство Палеево в разных местах великое бедным людям причиняет грабительство, разбой, убийства и разорение, а все моим именем. Число этих Палеевых самовольных гультаев беспрестанно умножается из Запорожья и из других мест, и грабят не только около Буга и Днестра, но уже и через Днестр переправились, во владениях господаря волошского многих людей пограбили и до смерти побили, о чем пишет мне господарь волошский, требуя управы. Доношу и то: хотя бы. Белую Церковь и не нужно было отдавать полякам, и тогда Палея не надобно там более терпеть, потому что от него ничего доброго нельзя надеяться; особенно опасаться надобно, чтобы он, по моем уходе, какого огня не запалил, потому

что он не только сам, повседневным пьянством помрачаясь, без страха божия и без разума живет, но и гультайство также единомравное себе держит, которое ни о чем больше не мыслит, только о грабительстве и о крови невинной, и никогда никакой власти и начальства над собою иметь не хочет». По письму Головина Мазепа предложил Палею ехать в Москву, но тот отказался: здоровьем слаб, да и незачем туда ехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.